

КРИСТИНА КАРТРАЙТ

ТЕНИ МАФИИ

ИГРА РОЗАЛИ

18+

Кристина Картрайт

Тени мафии: игра Розали

<https://litres.ru/72649669>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда одна ночь меняет всё...

Розали остаётся единственной выжившей после кровавой вендетты, унесшей жизни всей ее семьи. Теперь ей предстоит не только прожить новую жизнь под другим именем, но и защитить своих детей, скрываясь от врагов, которые не знают пощады.

Сможет ли она увернуться от преследователей, чтобы не дать прошлому настигнуть её? Или мафия всегда взыщет свои долги?

Это история о выживании, любви и предательстве, где на кону — жизнь и будущее целой династии.

Содержание

Пролог.	4
Глава 1.	6
Глава 2.	9
Глава 3.	14
Глава 4.	17
Глава 5.	21
Глава 6.	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Кристина Картрайт

Тени мафии: игра Розали

Пролог.

Эта история началась задолго до моего знакомства со знаменитым британским следователем — Кейном Гудманом. Ещё до того момента, когда его имя стало греметь на весь Лондон.

Всё началось в Амьене: прекраснейшем городе на севере Франции. В семье простого преподавателя математики родилась маленькая зеленоглазая девочка. Имя ребёнку давал отец, и, будучи глубоко верующим католиком, назвал её Розали — в честь святой Розалии.

Девочка росла общительным и активным ребёнком: ей всё давалось легко, она была крайне смыслёной, её любили все, начиная от родителей и заканчивая дворовыми собаками.

С самого детства Розали увлекалась чтением, ей очень нравилось представлять себе все истории, которые она поглощала с невероятной скоростью из книжек. Мать только с видом мудрого провидца кивала: любовь к литературе явно досталась ребёнку от неё. Женщина преподавала в университете Пикардии на факультете языков и иностранных культур.

Никого не удивило, когда юная Розали после окончания школы решительно штурмовала столицу Франции с единственной целью – стать студенткой Сорбонны.

Университет имени Рене Декарта всегда славился своими специалистами, эта девушка побила все рекорды успеваемости, окончив фактически на отлично психологию и право, сразу получив место в одной из престижных клиник Италии.

После двухгодичной ординатуры карьера Розали пошла в гору. И вскоре на двери в её личного кабинета гордо красовалась табличка: «Психиатр Розали Маршан».

Глава 1.

Розали

Мне очень нравилась моя работа. Я искренне не понимала, как может быть неинтересен человеческий мозг, ведь это так заводит: постепенно узнавать о людях что-то новое, предугадывать их следующие действия. Это была моя стихия. И я постоянно развивалась в этом направлении, находя информацию во всех доступных ресурсах.

Каждый пациент отличался от предыдущего разнообразием своих действий, повадок, привычек. У каждого из них была своя история и свой взгляд на вещи, однако, было в них во всех нечто общее, что неуловимо связывало всех воедино—это их болезнь.

Должна сказать, что любая мало-мальски растущая в вашей голове навязчивая идея может превратиться в своеобразную патологию. К примеру, если вы верите в то, что вы больны или безумны, значит так оно и будет. В таком случае даже самый прославленный специалист вам не поможет.

Кроме заботы о своих пациентах, я часто оставалась в лаборатории у наших биологов и химиков. Честно говоря, я не особо люблю эти предметы, однако в медицине, даже в таком её направлении, как психиатрия, некоторые навыки из этих областей просто необходимы. Жажда новых знаний и неуёмное любопытство привело меня и к столу наших гени-

альных хирургов, которые выдёргивали людей фактически с того света. Я искренне восхваляла способности этих людей, втайне радуясь, что сделала правильный выбор, поступив на психиатра.

Вскоре меня часто стали приглашать на различные экспериментальные исследования. Искренне горжусь тем, что периодически ассистировала таким профессионалам, хотя предпочитаю не «марать руки». Всё же копаться в чужих головах без применения хирургических инструментов гораздо интереснее.

Я бы так и провела всю жизнь, наслаждаясь моральным копанием в чужих головах, разбираясь с чужими душевными недугами, пока на меня не навалилось оно... То жуткое чувство, заставляющее делать тебя безумные вещи, которое так часто описывают величайшие литературные умы: невиданная доселе эйфория охватывала меня и всё моё сердце, затрагивая самые тёмные дебри моей стальной души.

Он покориł меня с первой же секунды: сильный, волевой, безумно сексуальный и очень умный Доменико Дженовезе — заставил моё сердце пылать, как написали бы в романах. За все мои двадцать четыре года я впервые влюбилась по-настоящему.

Хотя было бы лукавством, если бы я сказала, что Доменико был первым и единственным, нет. Я никогда не видела причины для отказа себе в удовольствии, а медицинского образования у меня было более чем достаточно, чтобы не

случилось непоправимых последствий.

Как выяснилось позже, семья Дженовезе была довольно известна в узких кругах. Там слух, здесь сплетня — вроде бы ничего сверхъестественного. А вот если собрать всё, то получалось... интересно. И немного страшно.

Вроде как приличное семейство моего возлюбленного, имело крайне сомнительные связи и знакомства. Гораздо позже, мне поведали, что семья была одной из основных точек в широкой сети итальянского криминального синдиката. Проще говоря — итальянская мафия.

Я узнала об этом слишком поздно, уже тогда, когда клятвы были произнесены, а кольца одеты на наши пальцы. Семью можно было понять: не каждой девушке «с улицы» сто́ит знать о таких подробностях их жизни. Хотя, если бы я узнала раньше, вряд ли моё мнение о них как-то изменилось. Просто теперь мне пришлось осознать себя не только хорошим врачом, но и любимой невесткой дона Джузеппе, о чём мужчина неустанно мне напоминал.

Глава 2.

Розали

Джузеппе Дженовезе вёл основную ветку «белого» бизнеса Семьи. Конечно, смешно было бы, если бы Джузеппе стал Доном мафии, будучи белым и пушистым. Основой его высокого положения в синдикате служили его гениальные финансовые схемы. За это его уважал весь синдикат: именно Пеппе покрывал львиную долю всего незаконного трафика, занимался отмыванием денег и работал на семью в качестве «кошелька». Дон же контактировал с государственными органами Сицилии, всегда знал, где человека можно «подмазать», а к кому с такими предложениями даже соваться не стоит.

Фактически по сравнению с другими кланами, Дженовезе были ангелами во плоти. Хотя безгрешными их назвать, язык не поворачивался. Кровь во имя вендетты — вот что очищало все грехи в мире итальянской мафии.

Я окунулась в череду этих кровавых интриг, неожиданно находя и для себя устойчивую нишу в семейном деле. Моя «белая» профессия оказалась как никогда кстати, в ведении нелёгкого дела переговоров с кланами и партнёрами семьи. Правда, в самом начале, чаще всего я просто молчала и анализировала, но вскоре дон Дженовезе понял всю специфику

моего разума и стал активно приучать меня к делам.

Так, я узнала, что в активах семейства находилось около трёх гектаров земли, сплошь усеянной виноградом, несколько заводов по изготовлению вина, а также сеть обширных рыбацких доков. Всё это приносило нашей семье огромное влияние, и, разумеется, прибыль. В это же время я стала увлекаться изучением физиогномики — всё на благо семьи.

Кроме Доменико, у дона Дженовезе был ещё один, младший сын Лука. Любимчик — так называют поздних детей, и наш случай был не исключением. Парню стукнуло двадцать один, когда он: закостенелый холостяк и повеса, вдруг объявил о своём намерении жениться. Джузеппе радовался как ребёнок. Пеппе мечтал о внуках, которые смогут продолжить его дело.

- Семье нужны наследники! — неустанно повторял мне дон, а я лишь молча отводила глаза. Это было нашей единственной с Доменико проблемой: я не могла забеременеть.

Джузеппе позволил мне впервые назвать его папой, когда я, одновременно с получением должности Главного психиатра нашего Частного научно-практического медицинского центра, умудрилась за бесценок перекупить бо́льшую часть автозаправок в нашем округе.

Всё было прекрасно. Богатство семьи Дженовезе заставило всех донов склонить головы перед нашей семьёй. Джузеппе встал во главе концерна, Лука женился на прекрасной и милой Софи, а я всё никак не могла забеременеть.

Меня пугала одна мысль о моём бесплодии. Я искренне мечтала о детях, я хотела детей и даже начала молиться, но... С подачи моей свекрови вместе с Доменико мы прошли полное обследование в лучшей клинике Сицилии. Загвоздка оказалась в том, что результат анализов абсолютно положительный. Мы не понимали, почему у нас не получается, ведь никаких проблем со здоровьем у нас не было.

Неожиданный развод моих родителей накрыл меня с головой. Я искренне переживала за свою семью, даже вечно холодный дон Дженовезе пытался поучаствовать и сочувствовал мне. По совету свекрови: доны Лауры, ум которой я восхваляла в своих мыслях, взяла временный отпуск на работе, чтобы навестить свою горящую мать. Честно говоря, такого подлого поступка со стороны своего отца я никак не ожидала, ведь он знал, что мама буквально дышит им.

Донна Лаура неожиданно огорошила меня своим решением: женщина желала навестить мою мать вместе со мной. И как будто даже стало немного легче. Я выдохнула: я — не одна.

Мы попрощались со своими мужчинами, сели в машину и сразу отгородились ото всех. Нам было что обсудить с донной, и на это у нас была уйма времени.

Как выяснилось позже, моё промедление стоило мне немало бед. Пока мы с мамой Лаурой наслаждались комфортной поездкой по дорогам Италии, моя мать глотала смертельную дозу снотворного. Было ли это самоубийство,

или же просто она не желала долго ожидать нашего приезда, решив скоротать время во сне — осталось загадкой для всех. Записки не было, что привело полицию к мысли о несчастном случае.

Я возненавидела своего отца. Ведь всё это было лишь следствием его глупых и беспричинных поступков. В день похорон моей матери я отреклась от этого человека на её могиле. Теперь у меня осталась только семья Дженовезе, величие которой я возжелала восхвалять всё больше. Это был мой первый нервный срыв. Тогда я замкнулась в себе и несла своё горе, наводя тоску и ужас на окружающих своей холодностью и отрешённостью.

Прошёл ещё один год. Благодаря заботе и вниманию моей семьи, и любимой работе, я постепенно вышла из своего комка отчаяния. Хотя что-то всё же во мне неуловимо изменилось.

С новыми силами окунулась в череду проносящихся мимо меня событий, наконец ощущая тихую радость, и училась получать удовольствие от жизни заново.

И вот в один миг счастье окутало семью Дженовезе: Софи была беременна! Я искренне радовалась за свою подругу, ловя на себе успокаивающий взгляд донны Лауры.

Синдикат стал активно вести дела с американцами и англичанами. Пришлось часто отлучаться в Вашингтон по делам семьи. По какой-то непонятной мне причине я очень нравилась нашим американским «компаньонам», поэтому

всё чаще меня не было дома, всё реже я появлялась в клинике, всё реже я находилась в постели моего мужа.

Глава 3.

Розали

Когда-нибудь это должно было случиться.

Как говорится: ничто не предвещало беды. Хотя кого я обманываю? Всё именно к этому и шло...

В тот день я вернулась из Америки самым ранним рейсом, чтобы успеть на день рождения Софи. Багажник машины был под завязку забит всевозможными подарками и сувенирами как от меня, так и от наших американских коллег. Чёрная папка на соседнем сидении пестрела подписями в новом контракте на масштабное производство вина Дженовезе, всё складывалось лучше, чем предполагал Джузеппе.

Я въехала в ворота нашего особняка, наказав прислуге перенести все вещи из машины в дом. Подхватив папку с документами, забежала в кабинет к дону, которого не оказалось на месте. Пожав плечами, понеслась на всех парах в нашу с Доменико спальню.

Вид переплетающихся тел застелил мне глаза пеленой слёз. Я отдавала себе отчёт, что отчасти сама виновата, и он сорвался из-за моих постоянных отлучек. Осознавала всё это где-то очень глубоко в душе, но какое может быть понимание у влюблённой, но очень обиженной женщины? Доменико увидел меня, когда я уже развернулась и стремглав побежала по лестнице вниз. Муж пытался остановить меня, кри-

чал что-то отчаянно мне вслед, но я его уже не слышала.

Пулей вылетев из особняка, я силой впихнула папку с контрактом, не успевшему вылезти из машины Джузеппе, вытянула за шиворот его водителя, села за руль и дала по газам, чуть не снеся закрывающиеся ворота.

Гнев вёл меня подальше от дома, подальше от , кажется, уже не моего мужчины, от его предательства. Сейчас с высоты своего возраста и опыта прожитых лет, я понимаю, что не стоило так горячиться. Можно было поступить более мудро, но под наплывом эмоций мы особо не думаем. Я слишком долго замыкала в себе все свои чувства за маской холода и отчуждения. Всё ещё не до конца оправившись после смерти матери, я упорно старалась казаться всем весёлой и милой: делать больно семье своим безразличием я не желала. Сейчас я говорю, как профессиональный психолог, как врач-психиатр: если слишком долго держать в себе эмоции, взрыв неминуем. Жаль, что самой себе я это не объяснила.

Возможно, если бы я тогда не уехала... Если бы я осталась со своей семьёй... Может, я бы смогла ещё что-то исправить.

В бардачке машины я нашла кредитную карточку семьи. У нас был общий счёт Дженовезе, который мы обычно разоряли понемногу на собственные нужды и также пополняли. Это был своеобразный «общак», который мог пользоваться каждый член семьи, хотя я обычно предпочитала собственные деньги.

Доехав до ближайшего банкомата, сняла внушительную

сумму: банковскую карточку было слишком легко отследить, а я не хотела, чтобы меня сейчас кто-то нашёл. Отключив телефон, закинула его в бардачок и поставила машину на стоянку. Необходимо было действовать очень быстро. Я знала, что меня будут искать. И понимала, что большинство людей в курсе кто я. Информаторам и агентам синдиката ничего не стоило меня выследить.

Поменяв несколько автомобилей такси, я попросила высадить меня около театра, где работала моя давняя подопечная. Элизабет была моей клиенткой ещё в бородатые годы моей ординатуры. Когда-то эта женщина наняла меня в качестве психолога, несмотря на мой небольшой опыт в практике. Тогда я ей помогла разобраться с семейными проблемами. Теперь же она поможет мне.

Глава 4.

Розали

Через четыре часа я сидела в экспрессе и дивилась своему отражению в окне. От той жгучей зеленоглазой брюнетки, которой я была ещё некоторое время назад, осталась лишь фигура, да звучная фамилия. Теперь я видела перед собой пепельную блондинку с тёмно-коричневыми, почти чёрными глазами.

С точки зрения психологии игра на контрасте, изрядно привлекающая внимание, отвлекает от главного. Собственно моя теория подтвердилась тут же на практике. Кроме того, я неожиданно получила просто обилие внимания со стороны противоположного пола. Не то чтобы я раньше страдала от недостатка внимания, но всё же это было не так эффективно, а уж блондинкой с загаром сейчас никого не удивишь.

В этой ситуации я пользовалась простым правилом: хочешь что-то спрятать, положи на самое видное место. Под влиянием эмоций люди видят во мне ту красоту, что я хочу им показать. Они смотрят, но не видят, потому что на них давит океан эмоций...

Мне был необходим глоток свободы.

Венеция прекрасна в своём великолепии, но ещё более яркой и прекрасной она становилась в дни костюмированного карнавала. Сегодня проходил Festa delle Marie – старейший

венецианский праздник, открывающий сам карнавал. Безумное количество красок, гомона, криков и веселья просто не мог не поднять мне настроение. Я влилась в этот океан радостного безумия слёту. А после пары-тройки выпитых стаканчиков граппы мир заиграл новыми цветами. Всю печаль я оставила вместе с теми пустыми рюмками, содержимое которых бушевало в моём желудке, и притупляло разум.

Сразу стало легко и весело. Хоровод ярких карнавальных костюмов затянул в самую гущу этих странных танцев. Кто-то нацепил на меня пёструю маску с розовыми перьями, которая, как ни странно, очень удачно гармонировала с моим ярким красным платьем. Ритм карнавальных барабанов, динамичная музыка и слаженно движущаяся толпа, невольно заставляли двигаться тело в одном ритме с ними. Алкоголь шумел в голове, помогая забывать обо всех проблемах. Адреналин бушевал в крови, требуя безумств и сумасбродных приключений. Но это приключение само меня настигло.

Чьи-то крепкие руки заскользили по моему телу, периодически задирая подол платья. Спинай, я ощутила крепкую мужскую грудь, которая прижалась ко мне сзади.

Он приник ко мне полностью, словно спаявшись со мной своими бёдрами. Мы двигались с ним в едином ритме, медленно покачиваясь в такт карнавальной музыки. Мое тело изгибалось и тёрлось о него ягодицами. Разве не так ведут себя кошки в течку? Без разницы. Его руки всё сильнее сжимали мою талию, под звуки гитары, мандолины и барабанов.

Резко схватив меня за руку, незнакомец потянул меня в сторону неприметной двери. Я видела лишь его спину в белой свободной рубашке и шикарную задницу в брюках песочного оттенка. Мужчина тянул меня куда-то вверх по лестнице, попутно выхватив из рук стоящего на лестничном пролёте Арлекина, бутылку марсала.

Я смутно помню этот вечер. Как мы оказались в спальне, и как он кинул меня на огромную кровать, тут же оказавшись сверху. Помню, как мы яростно стучались с ним зубами в жёстком поцелуе, словно борясь за первенство. Помню его руки, его тело, мягкие чёрные волосы и страстный, дикий, почти бешеный взгляд из-под серебристой маски.

Я помню дикие стоны, вырывающиеся из моего горла, его звериное рычание и невероятные оргазмы, подобные взрыву фейерверков, которые этот мужчина заставлял меня испытывать.

Должна признаться, что даже в наш медовый месяц Доменико не творил со мной такое. Возможно, виноват алкоголь. Но ведь он притупляет ощущения, верно? Я помню, как этот мужчина поливал моё тело бордовым вином прямо из бутылки, а потом слизывал дорожки сладкого жгучего напитка с моей кожи, заставляя меня стонать. Снова.

Проснувшись я на следующее утро с диким похмельем, в совершенно незнакомой комнате. Провернув в остатках памяти события вчерашней давности, я тихо ужаснулась и с опаской повернула голову. Рядом со мной, лёжа на животе, спал

мой вчерашний экстаз. Здесь же я обнаружила, что моя маска валяется в простынях. Интересно, когда она упала? Видел ли он моё лицо? Я оставила её лежать на подушке, вместо прощания.

Вспомнив все навыки «партизанщины», которые так активно пытался привить мне дон Дженовезе, быстро напялила на себя нижнее бельё вместе с помятым платьем, схватила туфли и дала дёру.

Напоследок я всё же решилась оглянуться. Мне до безумия хотелось увидеть, как выглядит мой незнакомец, хотя бы приблизительно. Уже стоя в дверях, я повернула голову и замерла, как кролик перед удавом: на меня в упор смотрел самый красивый мужчина, которого я когда-либо видела. Почти чёрные глаза, кажется, снова полыхали огнём бешенства, но на этот раз страсть была ни при чём. Причиной сему явно был мой несанкционированный побег.

Тихо пискнув, я вылетела в коридор, и всё также босиком, побежала прочь оттуда. Уже на улице, нацепив на себя туфли, я разрешила себе снова оглянуться. Он стоял на балконе второго этажа, и с жуткой ухмылкой смотрел на меня, словно давая мне незримое обещание. Я как-то хитро поптичьки склонила голову набок, пошло улыбнулась ему, послала воздушный поцелуй и сиганула в проезжавшее мимо такси.

- Гони!

Глава 5.

Розали

Человек, как правило, не замечает своего счастья ровно до тех пор, пока его не лишится. Так случилось и со мной.

Я сломалась. Меня сломали, а я даже не знаю, кто мне в этом так «помог». Мне пришлось умереть. Похоронить себя и возродиться заново, став совершенно другим человеком.

Я больше никогда не услышу голос своего милого Доменико. Вся злость на него исчезла ещё на задворках Венеции. Я отомстила. Отомстила знатно, «по-семейному»: око за око, так сказать. Только вот оказалось, что зря: мстить было уже некому.

Когда я приехала в палаццо Дженовезе, там я застала лишь прорву полицейских, два автомобиля скорой помощи и рыдающую донну Лауру, укутанную в шоковое одеяло. Когда свекровь увидела меня, она разрыдалась, кажется, от счастья.

Я растерянно гладила женщину по голове, прижимая её содрогающееся тело к себе, и наблюдала, как чёрный мешок с телом моего мужа погружают в машину. А затем ещё один мешок, и ещё один...

Это определённо была вендетта. Выкосить, как скот всех мужчин в доме может лишь кровная месть. Беременная Софи, скорее всего, просто попалась под руку. Полицейский

инспектор так и сказал: «просто попалась под руку». Я посмотрела в глаза донне и там увидела своё отражение. Мы остались одни. Я осталась одна. Опять.

Спустя два месяца после семейной трагедии, когда все дела нашей семьи свалились на мою голову, а свекровь оплакивала своих детей, и, так и не рождённого внука, я поняла, что судьба решила посмеяться надо мной в очередной раз. Говорят: беды лишь закаляют человека, куют его стальной характер, но я думаю, что медленно схожу с ума.

Началось всё на очередном собрании синдиката, где я представляла остатки семейства Дженовезе. Говорил в основном дон Пьетро Вальери — правая рука моего «отца» и по совместительству его лучший друг. Сейчас мы активно распродавали все активы семьи, оставляя за собой лишь винный бизнес.

Как я объяснила донам, перед которыми рано или поздно мне пришлось бы предстать, Лаура хотела продать наш особняк и купить что-то поближе к югу Италии. Хотя из мафии в основном уходят только «вперёд ногами», но тот огрызок, что остался от семьи Дженовезе, никто даже не рассматривал всерьёз. И да, несомненно, наш дом — ваш дом, разумеется.

Разумеется, эти акулы хотели отхватить и лакомый кусочек от всех наших виноградников. Но благодаря покровительству дона Вальери и моему немалому вложению в его ресторанный бизнес, мы с Лаурой сохранили за свои винные владения.

Уже, когда всё закончилось, я отвела в сторону одного из самых кровожадных донов синдиката, который курировал поставки оружия из Сицилии и решал «вопросы» семей. Мне нужны были его услуги, и я готова была за них заплатить. Кроме любви к радикальному решению всех проблем, Крэг Ломбардо имел огромную любовь к деньгам. Деньги в обмен на информацию, Крэг, всё просто.

Когда дом был уже продан, фактически вместе со всеми вещами, я дрожащими руками разбирала документы в кабинете Джузеппе: надо было избавиться от всего лишнего и решить, что мы заберём с собой. Уже завершив все манипуляции с бумагами, я обнаружила на самом дне сейфа красивое кольцо-печатку из белого металла с изумрудом и рубином посередине. О, я определённо знала, что я держу в своих руках настоящее сокровище. Ещё до рассказов дона, я знала об уникальности этой вещицы. А раз уж она попала в мои руки, я просто так её не выпущу. «Глаза скорпиона» — почти легенда. Единственное, что у меня осталось от отца. За этими мыслями меня и застал мой первый рвотный позыв.

Вернувшись из уборной, я уставилась на своё отражение в зеркале и судорожно стала подсчитывать в уме, насколько большая у меня задержка. По моим подсчётам выходило уже больше семи недель. Извините, но на это уж точно у меня времени не было. Видимо, зря я так подумала. Развернувшись, я бросилась обратно в ванную комнату, чтобы подтвердить свои опасения. Вот так, с ошарашенным выра-

жением лица и тестом на беременность с двумя полосками, я пошла в сад, где сидела моя единственная опора и надежда.

Когда Лаура увидела, что я держу в руках, она встала на колени и поцеловала меня в живот. Слёзы текли с её глаз, но я впервые за всё это время увидела у неё на лице намёк на улыбку.

- Теперь у вас есть смысл жить дальше, — тихо произнесла я, кляня себя за такую страшную ложь.

Мы переехали в милое шато на юге Италии. Окна нашего дома выходили на простиравшиеся поля винограда, который я поглощала в неимоверном количестве. Срок беременности был уже три с половиной месяца и был виден довольно большой живот. Мой друг Хельмут Беккер — великолепный психотерапевт, кандидат наук и просто милый пожилой мужчина, направил свою жену к нам в шато в качестве личного врача. Женщина работала акушером-гинекологом вот уже на протяжении двадцати трёх лет и очень любила детей. Как жаль, что таким замечательным людям, как супруги Беккеры бог не дал малышей. Увы, госпожа Мария была бесплодна.

Эта пара, знаменитая в узких кругах некоторыми из своих научных трудов, жили и трудились в Германии, в одной из частных клиник Берлина. Собственно, познакомил нас с господином Беккером дон Джузеппе. Я как раз нуждалась в прохождении практики после университета, а у семьи Дженовезе везде были связи. Благодаря этому замечательному человеку, и его безупречному руководству я стала тем, кто

я есть сейчас.

Мария приехала к нам в шато на рассвете, в крайне позитивном настроении, заражая им и нас. Однако после осмотра госпожа Беккер потребовала моего немедленного присутствия в её клинике. На мой обеспокоенный взгляд, доктор поспешила меня уверить, что всё в порядке, однако она настаивает на моём присутствии в Берлине.

Скрепя сердце, я оставила донну Дженовезе одну, в окружении семейных виноградников в Палермо. На удивление полёт прошёл нормально. Мы с Марией прилетели в Германию, где меня приятно поразила архитектура Берлина. Всё такое простое, без вывертов и излишеств, мне безумно здесь понравилось, и я с уже бóльшим энтузиазмом проществовала в клинику. Скрининг преподнёс очередной сюрприз.

Когда я сообщала по телефону Лауре о том, что жду близнецов, она снова плакала, всё твердя: скоро Дженовезе снова будут все вместе, а я соглашалась. Лгунья. Какая же я лгунья.

Меня жутко мучил токсикоз: всё, что бы я ни съела, выворачивалось обратно. Даже виноград уже не радовал. К концу шестнадцатой недели мне казалось, что у меня отвалится поясница. Болело всё так, будто бы я тягала мешки кирпичей.

Бледная Мария влетела ко мне в комнату и заставила выпить какую-то мутную гадость. Я быстро привыкла, что из-за осложнений мне только и приходится постоянно пить какие-то гадости, и лёжа смотреть в окно. Подивившись странному привкусу, я вопросительно посмотрела на своего леча-

щего врача.

- Ты слишком бледна, Мария, тебе явно стоит больше отдыхать, а то ты совсем себя загонишь, — я осуждающе смотрела на женщину. Она всё так же тряслась надо мной, как наседка, несмотря на то, что я даже не особо двигалась.

- Роза, — это имя больно резануло по ушам. Я больше никогда на него не отзывалась, с тех самых пор, как ушла моя мама. - Ох, прости, Розали, но... я просто не верю, что это происходит, я просто не представляю, что мне теперь делать...и...

- Остановись, — начала я спокойным голосом. В конце концов, профессионализм не пропьёшь, — медленно вдохни и также медленно выдохни. Смотри мне в глаза. Вот так... Молодец. - С каждым вздохом Мария становилась всё спокойнее и более сосредоточенной. - А теперь скажи мне, что произошло? Что-то с Хельмутом? Или что-то не так с моими анализами? С детьми?

- Нет, нет, с ними и с тобой всё замечательно. Оба ребёнка развиваются, как им и положено, лежат тоже хорошо, всё прекрасно и...

- Мария!

- Я не знаю, как тебе сказать. Лаура... она... — договаривать уже было не нужно.

- Как это произошло? — как-то слишком спокойно спросила я. Вроде как должна биться в истерике. - Так это было успокоительное, да? - Мария кивнула и сказала:

- Полиция говорит, что она сама...сама себя, да ещё и записка... -Женщина тихонько всхлипнула, а я стала быстро проворачивать в голове все моменты и события из нашей жизни.

Глупо было бы предположить, что чья-то вендетта закончится на мужчинах семейства. К тому же во мне жила уверенность, что Софи с ребёночком были далеко не случайными жертвами. Я ни на минуту не сомневалась, что это лишь продолжение чьей-то мести.

Главным доказательством того, что моя свекровь не наложила на себя руки, были мои дети под сердцем. Лаура знала, что у неё будут внуки. Она молилась на них, она ждала их. Благодаря самой же донне о моей беременности знало всего четыре человека: я, сама Лаура и супруги Беккеры. Даже дон Пьетро считал, что мой отъезд в Берлин связан просто с ухудшением психического здоровья на фоне депрессии.

Нет, кто-то подчищает хвосты, меня явно ждёт та же участь, но умирать я не собираюсь. Не теперь, хотя...

Глава 6.

- Алекс! — кричала из окна небольшого двухэтажного дома красивая женщина, махая кому-то рукой. В этот же момент из сада с визгом и воплями выкатился клубок из тел, а за ним спешила расслабленная платиновая блондинка в полосатой пижаме. Она резко вскинула голову на оклик из окна и ослепительно улыбнулась.

- Так, мальчики, если вы сейчас же не прекратите, никаких мультиков и сказок вечером. — спокойно и отчётливо сказала женщина. Шум мгновенно прекратился, и клубок распался на две части, явив миру двух абсолютно одинаковых мальчиков. В руках одного из которых была маленькая игрушечная машинка.

- Мики, а где твоя машинка? — спросила она, поднимая сначала одного, а затем и второго ребёнка с земли.

- Ну...

- Да сломал он её!

- Ах ты!

- Тихо! — авторитет женщины был непоколебим, — во-первых, Микаэль, если ты её сломал, нужно было дать машинку мне, я бы её починила. В крайнем случае, я хотя бы знала, что её у тебя больше нет. Во-вторых, Габриэль, запомни, никогда не ябедничай. Ябед не любит никто. Не мне вам объяснять, мальчики, что нужно вести себя обычно и не вы-

делиться среди других.

После такого странного напутствия женщина махнула рукой, подзывая детей к себе:

- Пойдёмте в дом, пора ужинать. А если кто-то будет себя хорошо вести, тогда будут и мультики, и книга на ночь, — дети радостно запрыгали и повисли с двух сторон на ней.

- Мам, а тётя может нам почитать? — вдруг спросил один из них. Они уже зашли в дом и разделись, отдавая экономке свои вещи. Оба ребёнка замерли, ожидая ответа от матери. Дав некоторые указания пожилой женщине, блондинка развернулась и ответила мальчику:

- Ну, я думаю, она нам не откажет. Может, спросим её саму? — И она вопросительно посмотрела на вышедшую в холл брюнетку.

- Тётя Ирма, а ты нам читаешь книжку на ночь? — хором накинулись на бедную красавицу дети. Блондинка прыснула:

- Думаю, ещё немного, и вам, дети, уже некому будет читать, — с иронией высказалась она, глядя на падающую под весом мальчишек подругу.

Вся компания прошла в столовую, и как только дети плюхнулись на свои места, Ирма строго спросила:

- А вы ничего не забыли?

Мальчики переглянулись, быстро вскочили из-за стола и понеслись наперегонки в сторону ванны. Блондинка отодвинула стул и тоже встала.

- А ты куда, Алекс? — мягко улыбнулась брюнетка.

- Ну я как бы тоже с улицы... а то вдруг я руки не помою, и ты меня накажешь? — игриво улыбнулась ей женщина и прошла вслед за детьми.

- А почему ты считаешь, что хорошее поведение не повод для наказания? — Ирма облизала губы, — быть всегда хорошим тоже плохо, — протянула она, смотря ей в глаза.

- С каких это пор я считаюсь хорошей? — ухмыляясь, спросила Александра, как ни в чём не бывало, проплывая в сторону ванной. Ирма голодным взглядом посмотрела ей вслед, а потом заметила притихших и наблюдающих за всей этой ситуацией детей. Женщина им улыбнулась и похлопала по стульям с двух сторон от себя.

Александра

Как так получилось, что я связана с такой женщиной, как Ирма Крамер? Всё довольно просто и прозаично — мне пришлось умереть. Да, именно так, в этом мире нет больше последней донны Розали Дженовезе.

Розали умерла от рака, который врачи обнаружили слишком поздно — на последней четвёртой стадии. Молодая донна, успевшая похоронить всю свою семью, благополучно переписала всё состояние Дженовезе на двух людей, что были к ней ближе всего в последние дни её существования — на супругов Беккеров. Лучшему другу её отца достались остатки последней роскоши Дженовезе: все пять винных заводов. Знаменитые виноградники бывшего клана Джузеппе отошли

через третьих лиц какой-то немке. Как позже пояснил поверенный, зачитывая завещание: за неоценимую услугу и помощь, когда Розали была в беде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.